

То, что «Ноев ковчег» не обнаружил следов взлома систем видеонаблюдения, ничуть не разочаровало Годжо Хару. Напротив, это лишь укрепило его в догадке: за атакой стоял не человек, а проклятый дух. Проклятая техника этого духа, напавшего на них с Гэто Сугуру, явно не ограничивалась созданием огнестрельного оружия на расстоянии для шквального огня. Сам взлом систем видеонаблюдения тоже был частью его врождённой способности.

Будь это обычные технологии, разве мог бы сетевой взлом не оставить ни единой зацепки для полноценного, уже развившегося искусственного интеллекта? Только проклятое вмешательство, выходящее за рамки цифрового мира, могло заставить «Ноев ковчег» врасплох, заставив его расписаться в собственном бессилии.

Гэто Сугуру призвал подчинённого им проклятого духа особого ранга — Махито.

— Ты знаешь тварь, которая напала на нас сегодня? — спросил Сугуру.

Во время засады тот проклятый дух упоминал Махито, а значит, они определённо были связаны.

Укрощённый техникой манипуляции проклятиями, Махито потерял возможность развиваться дальше, однако сохранил долю эгоизма. К примеру, если Сугуру не приказывал ему выкладываться на полную, дух беззастенчиво отлынивал от работы при любой возможности. Именно поэтому Гэто до сих пор использовал его исключительно как замену обратной проклятой технике для исцеления.

Появившись, Махито сразу уловил остаточную проклятую энергию своего старого знакомого, Кэлина. Связанный волей кукловода, он не мог солгать и нехотя заговорил:

— Знаю. Его зовут Кэлин. Это проклятие особого ранга, рождённое из человеческого страха перед технологиями. Когда я видел его в последний раз, он был всего лишь проклятым лоном. Похоже, теперь он окончательно вылупился.

Больше выудить из него не удалось. Пока Кэлин зрел в виде проклятого лона, Махито почти с ним не пересекался. В основном он общался с теми, кто уже обрёл законченное воплощение — Дзёго, Ханами, Дагоном и Угином, четырьмя проклятыми духами стихийного бедствия особого ранга. До невылупившихся собратьев ему дела не было.

— И сколько вас таких — разумных? — внезапно спросил Годжо Хара. — Считаю тех, кто ещё дремлет в коконах.

Махито попытался увильнуть, но одного мысленного импульса Сугуру хватило, чтобы дух покорно заговорил.

— Всего я знаю о восьми, — послушно вымолвил Махито. — Дзёго порождён страхом перед

землём, Ханами — перед лесами, Дагон — перед океаном, а Угин — перед небесами. Кэлин, как я уже сказал, воплощает страх перед технологиями, а Гован — перед смертью. Ещё Дзёго упоминал Фугоку, рождённого бурей, но я его никогда не встречал. Он давно мёртв.

Махито выразительно покосился на Годжо Хару, прекрасно зная, чьих рук это дело.

— Ну и я, — закончил он с усмешкой. — Меня породил страх людей перед себе подобными.

Одним точным вопросом Хара выведал всю подноготную о стихийных бедствиях. Кто бы мог подумать, что помимо напавшего на них Кэлина существует ещё один скрытый враг — Гован. Проклятый дух, рождённый из самого древнего и непреодолимого ужаса человечества. Ужаса перед смертью.

Сама природа его происхождения намекала на чудовищное могущество. Если страх перед землём или лесом порождает сильных тварей, то каков же монстр, выросший на всеобщем, абсолютном страхе перед небытием? Трудно было даже вообразить предел его сил.

Хара повернулся к Сугуру:

— Фугоку, Дзёго и Ханами упокоил я. С Дагоном и Угином разобрался Сатору. Махито теперь под твоим контролем. Остаются Кэлин и этот Гован. Из всей восьмёрки Гован наверняка опаснее всех. Если о нём до сих пор ничего не слышно, значит, он ещё зреет в коконе. Никто не знает, какой техникой он овладеет, когда явится в мир. Нужно выследить его и уничтожить до того, как он вылупится.

Хара не сомневался в собственных силах, но всегда предпочитал душить угрозы в зародыше. Врагов следовало давить тёплыми, не дожидаясь, пока они наберут полную силу. Только так можно было уберечь хрупкий мир магов и обеспечить Сатору спокойную, беззаботную жизнь, которой тот заслуживал.

Сугуру кивнул, хотя в его глазах вспыхнул чисто профессиональный азарт коллекционера:

— Если представится случай, я бы не отказался подчинить обоих.

Хара спорить не стал:

— Будет возможность — забирай себе. Но если запахнет жареным, церемониться не станем. Главное — уничтожить их.

Нельзя было рисковать и сдерживать удары ради укрощения — малейшая оплошность могла дать тварям шанс сбежать и зализать раны.

Гэто вздохнул, признавая его правоту. И всё же, видя, насколько полезна способность того же Махито, он не мог не думать о потенциале остальных стихийных духов. Какой «мастер покемонов» устоит перед искушением пополнить коллекцию столь редкими и могущественными экземплярами?

Махито мысленно помянул Кэлина и Гована добрым словом. Не то чтобы он горел желанием предать сородичей, но против воли хозяина техники манипуляции проклятиями не попрёшь — пришлось выложить всё как на духу.

Хара сразу набрал номер брата, чтобы предупредить об опасности, но в ответ услышал неожиданную новость: этот самый Кэлин умудрился напасть на Сатору практически в ту же минуту, когда устроил засаду в Токио.

Узнав об этой дерзости, Хара процедил сквозь зубы:

— Какая наглость... Воевать на два фронта одновременно. Жить надоело?

Почувствовав, как закипает брат, Сатору поспешил разрядить обстановку своим привычным беззаботным тоном:

— Ладно тебе, братец, остынь! Хорошо, что ты у меня такой параноик. Не прояви ты осторожность, этот дух со своими фокусами через камеры подслушал бы всё, что мы обсуждали на совете. Сукуна ведь у нас Король проклятий, кто знает — вдруг они спелись?

— Наверняка они заодно, — отрезал Хара. — А даже если и нет напрямую, оба точно повязаны с Кэндзяку.

Даже если проклятый дух не общался с Сукуной лично, цепочка всё равно сходилась на кукловоде: Кэлин подчинялся Кэндзяку, а Кэндзяку якшался с Сукуной. В сухом остатке разницы никакой.

Жаль только, что сам Кэндзяку прятался слишком искусно. До сих пор ни одной зацепки, где искать это ископаемое.

Как на этом крошечном клочке земли можно было затаиться столь бесследно? Неужели твари умудрились сбежать за границу?

Впрочем, последующие события наглядно продемонстрировали Харе одну простую истину: попытки навести порядок в мире магов мирным путём обречены на провал — слишком уж многие привыкли улыбаться в глаза и держать фигу в кармане. Несколько мелких кланов за считанные дни были вырезаны Сукуной под корень. В их поместьях буквально текли реки крови.

А причина этой бойни оказалась банальной: эти идиоты втайне хранили у себя Пальцы

Двуликого Сукуны.

Ещё месяц назад Главный совет магов официально объявил о возрождении Короля проклятий и призвал каждого мага незамедлительно передавать любые найденные Пальцы Двуликого Сукуны сильнейшим магам для надёжного запечатывания.

И что в итоге? Старейшины мелких семей решили поиграть с огнём. Посчитали себя умнее других и припрятали реликвии, пожадничав отдать их Годжо.

Какая от этого выгода? Обычные люди и слабые маги даже сделать-то ничего не могут с этими проклятыми объектами, кроме как держать под замком и надеяться, что барьер не прохудится.

— Думаю, они просто трусили, — хмыкнул Дзэньин Наобито, лениво потягивая саке. — Решили, что нам не одолеть Сукуну, и приберегли пальцы как подношение. Хотели выслужиться перед новым господином, когда запахнет жареным.

И старик вовсе не шутил. В его собственном клане Дзэньин тоже шептались о подобном исходе. Семью уберегло лишь то, что у них банально не оказалось ни одного пальца, иначе Сукуна навел бы их первыми.

Хара промолчал.

Сатору лишь скривился в презрительной усмешке.

Сугуру тяжело вздохнул.

— Они что, совсем бессмертные? — взорвался Сатору. — Списали нас с братом со счетов? Думают, мы сольём какому-то древнему деду? Напомнить им, кто заставил этого хвалёного Короля проклятий сверкать пятками при первой же нашей встрече?!

— Сатору, успокойся, — ровным голосом произнёс Хара. — Сытый голодного не разумеет, а сильному не понять логику трусливых букашек. Пускай развлекаются.

В конце концов, гибли чужие люди, до которых ему не было никакого дела.

Даже к лучшему, что вся эта двуличная шваль зачистит себя сама. Без них в мире магов станет значительно чище.

В глубине его глаз промелькнул ледяной блеск. Похоже, его мягкость, продиктованная желанием не травмировать Сатору, сыграла с ними злую шутку. Кое-кто возомнил, что Годжо Хару можно безнаказанно водить за нос.

Стоило пустить под нож десяток-другой несогласных — и старейшины мгновенно научились бы заглядывать ему в рот, ловя каждое слово.

Харе действительно хотелось устроить тотальную резню. Ему было плевать на баланс сил, на светлое будущее магического общества и на его пресловутую стабильность. Единственное, что его заботило — беспрекословное подчинение его воле. Мир магов должен стать единым, слаженным инструментом, щитом, призванным оберегать покой его младшего брата.

А то, что случится с этим прогнившим болотом, когда их с Сатору эпоха подойдёт к концу... Какая к чёрту разница? Пускай хоть синим пламенем горит.

Хара скользнул взглядом по Сатору, сидевшему рядом, и тихо вздохнул, загоня кровожадные порывы поглубже в подсознание.

Увы, Сатору не принял бы такой мир.

Решишь Хара на террор раньше — до того, как его непутёвый брат загорелся глупой идеей стать наставником и взращивать «юные бутоны» нового поколения, — он без труда убедил бы Сатору закрыть глаза на пролитую кровь.

Но теперь Сатору вырос. У него появились собственные идеалы, глупые детские надежды и вера в людей. Он ни за что не одобрил бы превращение старшего брата в жестокого тирана, воссевшего на трон из черепов. Это разрушило бы все его мечты о реформах.

Приходилось считаться с его мнением. Хара неохотно убрал идею кровавой бани на самую дальнюю полку своего разума.

— Что ж, — нарушил молчание Хара, обведя присутствующих тяжёлым взглядом. — Из двадцати Пальцев Двумликого Сукуны девятнадцать уже у него. Последний надёжно запечатан у меня. Это значит, что Сукуна практически вернул себе былую мощь. Господа, отступить некуда. Готовьтесь к решающей битве.

<http://bllate.org/book/19549/2004394>